

ЛЮБОВЬ ЧАГАТАЯ

«А жен и девиц одираху и до последние наготы рекше и до срачицы»

(ПСРЛ, VIII, с. 20)

I

Вернулся монгол из похода на Русь.
В раскосых глазах затаённая грусть.
Стыдится рассказывать всё сыновьям
О том, что творили кочевники там.

В глаза посмотреть он боится жене
И топит тревоги в кумысном вине.
Средь ночи его купол юрты страшит,
В стенаньях в табун он под утро бежит.

На выпасе мирном своих лошадей
Немного становится он веселей.
Душевные раны его не болят.
И больше уже не стремится в отряд,

Ни в сотню, ни в тысячу, тьму, ни в орду,
Вскочив на коня своего на ходу.
К нему по ночам возвращаются в сны
Кровавых порубленных тел валуны.

Он сны эти больше не может смотреть.
Летит лава конников, вытоптав степь,
На оргии, зверства и кровь грабежей,
Безумств вакханалий, хмельных кутежей.

Кругом в разоренье горят города
И гонят на бойню чужие стада.
И согнанный в рабство славянский народ
Под плетью монгольской понуро идёт.

Когда штурмовали зимою Рязань,
Пробил лишь ворота напавших таран,
Так ринулась в город бесчинства орда,
Творила злодейства свои без стыда.

Монгол всё стремился в походе познать,
Что может наложница русская дать.
И в плен, возбуждённый, искал он рабынь,
Чтоб сделать гарем средь степей и пустынь.

Но с этим товаром ему не везло.
Они разоряли село за селом.
Но девушки им не давались никак,
Спешили погибнуть от вражьих атак.

Ему попадались одни мужики –
Осадный хашар, да и те дохляки.
Никто б не дошёл из них до Иртыша,
А пал бы в пути – отлетела душа.

Монгола погнало на эту войну
Не золото, что прокормило б семью.
Мужского желанья неистовый пыл,
Что радости жизни ему заменил.

Супругу брюхатил свою без конца
И в звании пятом покинул отца.
В походе хотел он исполнить мечты
И тайну славянской познать красоты.

Батыры бахвалились все перед ним,
Как пленниц себе, словно после смотрин,
Они отбирали и гнали в полон
И был им усладой невольничий стон.

- И что сотворил с ними каждый из вас? –
Батыров монгол вопрошал в поздний час.
- Снимали запреты с тех девичьих мест,

Куда не пускают нас жёны окрест.

Их слушал рассказы, пуская слюну,
Монгол и с Батыем пошёл на войну.
Укрылась лесами красавица Русь,
Таинственная и далёкая грусть.

Как будто мехами укрыла себя,
Но воин степного стреножит коня:
«Уж я до тебя всё равно доберусь!
Тобой овладею, красавица Русь!»

Так думал монгол, отправляясь в поход,
Который продолжился не один год.
На дикий призыв Бату-хана «Айда!»
Взметнулась на Запад степная орда.

В пути подчиняли народы они,
Хитры и выносливы, злобны, сильны.
Монголы, татары, башкиры, мордва
России свои предъявили права,

Якут и казах, и бурят, и куман,
Калмык и чуваш, и киргиз, и алан.
Из всех подчинившихся поднял Батый,
Несметные полчища ратных стихий.

Булгары и гунны, и все степняки,
Уйгуров далёких лихие полки,

Удмурты и прочий поволжский народ,
Который чувашские песни поёт.

Китайцев, алтайцев, узбеков орда,
Ногайцы и с ними скотины стада
Всех тюркских народов, которых ислам
Поднимет, как позже поднял Тамерлан.

Пред ними на западе земли славян,
Всё вятичей, кривичей и северян.
Их труд земледелья, ремесленный труд
К границам захватчиков разных влекут.

Но стоит услышать кочевников вой,
Дружины встают на защиту стеной,
В кольчуги искусные заплетены,
В решительности безрассудной страшны.

Славяне - могучий и сильный народ,
Уже разделён на холопов, господ,
Раздробленных княжеств большая страна,
Враждою гниющие в ней племена.

Славян точит червь, разъедает раздор.
Стал каждый собрату мошенник и вор
И, братьев своих заманив в западню,
Их яду способен предать иль огню.

Проклятье в роду у рязанских князей.

Они умирали друг друга страшней.
Кресты целовали и в мире клялись,
А после друг с другом до смерти дрались.

Рязань разоряли раздоры князей
Из родственных княжеств их братских кровей.
То Суздаль, то Муром, Чернигов, Москва,
Владимир – все к ней предъявляли права.

Быть крепостью южных славянских границ,
Покой от степных охраняя убийц,
Непросто в годину раздоров и войн,
Притом процветать от торговли живой.

Рязань же могла, привлекая к себе
Набеги ордынцев по волчьей тропе.
Откуда пошло это слово - Рязань?
От ряски болотной, где топь-глухомань

Глядит в слюдяные оконца домов.
В ней кривич и вятич нашли себе кров
И в братине, как оберег от беды,
По кругу все крепкие тянут меды.

Там жил князь-разбойник, сошедший с ума.
За междоусобные козни тюрьма
Грозил ему, но сумел он уйти,
Бесследно пропал в половецкой степи.

Князь Глеб, шестерых кто коварно князей

Убил в резиденции летней своей

Еще до нашествия за двадцать лет.

Он братьев князей всех созвал на обед,

Чтоб с ними, кутя за единым столом,

Навек замириться за чаркой с вином.

Удобная пристань в Исадах селе,

Где лёгок ладьи бег на лёгком весле.

Князья прибывают в большие шатры

Укрыться от червения знойной жары.

Вот Кир, Изяслав, Ростислав, Святослав,

Роман и Глеб Игоревич для забав

Приехали к брату родному на пир,

Чтоб в братчине договориться на мир.

Их потчует князь Глеб Владимирович,

А с ним Константин, что князь Пронский, и клич

Внезапно бросают они по шатрам.

Но поздно князья тянут руки к мечам –

Убийцы уже на вечерней заре

Мечи обнажили в постельном шатре.

Наёмники-половцы уж тут как тут,

Князей посекли за пятнадцать минут,

А с ними несчётно дворни и бояр

И трупы раздетые сбросили в яр.

Исадская старица старой Оки
Широкая, в ней берега далеки.
Один был как пристань – пологая мель,
Другой, как обрыв, тот, что выщербить сель

Ещё не успел, пробивая ручьи,
Где ласточки норы прорыли свои.
В овраге Марица июльской порой
Всё залито кровью исадской резнёй.

Ослаблена междоусобицей Русь
И в песнях её от того звучит грусть,
Тоскливо равнинною речкой течёт,
Знамением грозным пугает народ.

Прошли Святослава давно времена,
Когда был Хазарский разбит каганат.
Хоть половца страх с печенегом гнетёт –
Не ходят на русские земли в поход,

Но тут сквозь туманов дорожную хлябь
Плывёт новых полчищ пестрящая рябь,
Плывёт, заполняя собой горизонт
И с гиком срывается лавой во фронт.

II

В семье у монголов по двадцать детей.
Любой, как волчонок, другого резвей.
С такой демографией в стучке копыт

Империя хищные планы растит.

Родился монгол в аймаке Сэлэнгэ
На тихой и одноимённой реке.
Несёт Селенга свои воды в Байкал,
Железной её будто кто-то назвал,

Ведь от эвенкийского слова сэлэ –
Железо на тюркском она языке.
А ею как будто бы кто рассекал
Долины излучинами между скал.

Отец был меркитом в Хангайских горах,
Но их Тэмуджин разгромил в пух и прах,
Послав против них Субэдэя с Джебе,
Отмстил им за их умыканье Бортэ.

Ходил с Чингисханом отец на Китай,
Когда появился на свет Чагатай.
Но в этом походе убит был стрелой,
Остался в степи где-то там за рекой.

С рождения мальчик выносливым был.
Едва зародился в нём юноши пыл,
Его посадили верхом на коня,
Без отдыха чтоб проскакал он три дня,

Питаясь, как конь, на подножном корму
И, ночи в седле проводя на ходу.

Пройдя испытанье, проехал сто верст
И с дядей помчался на выбор невест.

Он с песнями матери в юрте степной
Себя представлял уже с юной женой.
Мечтал и красавиц себе рисовал
В монгольской традиции свой идеал.

Невесту не долго искали ему –
Мальчишек хан в воины брал на войну.
Он дочь енисейских кыргызов избрал,
Но хан его к службе военной призвал.

Учили на лошади ратно скакать
И метко из лука по целям стрелять,
Учили секретам плести тетиву
И стрелы точить, нарезая резьбу.

И в возрасте где-то тринадцати лет
С собой уже брали в разведки секрет.
Когда ж его хан отобрал для себя
В гвардейцы, то очень гордилась семья.

Монгола любила лишь мать Махаббат.
В тоске материнской как бог он ей свят,
Ведь с пятнами сажи с ребёнком вдвоём
Из юрты спасалась в пожаре ночном,

Когда их селенье в набеге шальном

Громил олхонуд на коне вороном.
Нечистый читхэр Бор Халзан Туулай
Проспал и здоровым подрост Чагатай.

На свадьбу ему дали несколько дней.
И он не жалел в дикой скачке коней.
Примчался домой, как обычай велит,
В походах прославлен уже, знаменит.

Жених ставит юрту, подарки сватов
Семья принимает невесты без слов.
Невеста сидит в украшении суйх
В кругу старых дев, повивальных старух.

Была хироманткой она и хонжин
Чужих в женихи не пускал к ней мужчин.
Но вид кэшиктена хонжина смутил -
Невесту из юрты он сам выводил.

И взгляд на красавца лукавый, косой
Бросает девица и чёрной косой
Играет и, ленточки в ней теребя,
Глазами его обнимает, любя.

С невестой монгола встречает майхан.
К себе прижимает он девичий стан.
Дрожит и волнуется чувственность в ней,
Гуляет в крови табунами коней.

Невеста ему приворотное в чай
Добавила зелье и пил Чагатай.
Зелёною Тарой казалась она
Зелёному Змию на дне казана.

И с тягою к ней путать тягу к вину
Привык Чагатай, уходя на войну.
Но то была тяга желанья в крови,
Которой ещё далеко до любви.

Потом его выделил сам Субэдэй,
Тумен ему дал с табунами коней.
Уж пало довольно пред ним крепостей,
А всё не добыт был им нужный трофей.

Хоть девушек много захвачено в плен
И много свершилось бесчестья измен,
А всё ненасытен степной багатур,
Продляет ещё наступательный тур.

Спаял дисциплиной войска Чингисхан.
Им кодекс законов монголам был дан.
Великая Яса – «Их засаг хууль»,
Который сознание перевернул.

То был свод запретов и правил, табу,
Что не относились лишь только к рабу.
К народам другим проявление зверств

Одним стало из утрашения средств.

Чужих не щадить стариков и детей
И девушек делать добычей своей
Учили, готовя монголов в поход,
Шаманы, пророча обильный исход.

- При штурме больших городов-крепостей
Мужчин из окрестных брать в плен волостей
Вам нужно, всегда пополняя хашар –
Залог в том успеха монголо-татар.

Чтоб каждый из вас десять пленных мужчин
В рабов добывать умел как господин,
Бросайте аркан свой на них на скаку,
Как ловко петлю вы тянули быку.

Берите не много с собой фуража.
В захваченных странах себя снаряжать
Мы будем по ходу движенья орды,
Беря в свои руки правленья бразды.

- Мужчин на хашар гоним пленный народ,
Детей, стариков поголовно в расход,
В рабов забираем одну молодёжь.

- А женщин? Их тоже пускаем под нож?!

Смеётся наставник и ученики,
Звериные все обнажают клыки.

- Мы лишних себе не берём едоков.
Справляйте нужду и пускайте им кровь.

Кто жён не берёт с собой в дальний поход
И весь молодой неженатый народ
В плен женщину может взять для своих нужд,
Поскольку потребностям тела не чужд.

Но, чтоб незаметно творился разврат,
А то во вредительстве вас обвинят.
Падёж дисциплины хан видит во всём
И всех уличённых карает мечом,

Как Тенгри. Наскальным орхонским письмом
Нас прашуры предупреждали о том,
Что вреден чрезмерностью похоти пыл.
Он – рана лишь и червоточина сил.

Чтоб в битве он силы вас всей не лишил
И ядом своим чтобы не отравил,
Старайтесь в себе усмирять этот пыл
И пленниц быстрее провожать до могил.»

Наставник шаманов - халхинцев зовёт.
И дым ритуальный за ними плывёт.
Гортанные звуки они издают
И, как сумасшедшие, в пляске снуют,

Стучат в барабаны, обряды верша

И шкурами жертв принесённых шурша.
«О, Тенгри, великий, даруй нам побед!» -
Кричат они, взгляд устремив на Тибет.

И вот на охоте в начале зимы
Батый для большой тренировки войны
Готовность в войсках среди звериных облав
Проверил, манёврами их испытал.

Стрельбою в попавших в ловушку зверей,
Каких человек оказался хитрей,
Из луков и шквалом направленных стрел
Затравленной дичи провёл он расстрел.

И в благоволении хан засиял,
И войско, объехав, своё похвалял,
И двинул на Запад в Кипчакский поход,
Принесший обилие бед и невзгод.

Побит ими хан половецкий Котян,
С Поволжья его откочёвывал стан
До Венгрии, там, где Тертеровца дочь
За Иштвана выскочить замуж не прочь.

Башкиры, мордва под владычеством чар
Примкнули к союзу монголо-татар.
Булгар, Джукетау, Биляр и Сувар –
Булгарские сжёл города все пожар.

Их пастбища, скот, табуны лошадей
Верховный хан принял себе Угэдэй,
А сам не доволен чжуваном Бату –
Батый у него не на первом счету.

Он сына Гуюка так увещевал,
Чтоб тот над Батыем сам лидерство взял,
Но двух чингизидов разнял Субэдэй –
Заклял к примирению ради детей,

Наследную в них усмиряя вражду,
К Руси он единую вывел орду.
«Я князя Мстислава на Калке казнил», -
Сказал и наследников тем примирил.

В болгарском походе и наш Чагатай
Прославился, темником стал невзначай.
Отправил он брата домой налегке
Булгарских наложниц погнал к Селенге.

III

Сидел на высоком кургане боян,
Что песни слагает про древних славян,
Былины, напевы про богатырей.
Разведка к нему направляет коней.

А с ними толмач понукает коня.
- Старик, это русская будет земля?

Ужель добрались мы с походом на Русь?
Скорей отвечай мне, боян, да не трусь!»

- А вы кто, соколики, будете? Ась?
Зачем развезли нам дорожную грязь?
Какого товару свезли короба?
Гостям у нас рада любая изба.

- Да ты очумел что ли, старый дурак?!
С тобой не купец говорит, а кипчак!
Придурок, ты тронулся что ль головой?
Монголы пришли не с торговлей, с войной!

- Ой, шли б они лесом другой стороной.

Иначе никто не вернётся домой.

Ты речь мою переведи им, кипчак.

С тобой рассчитаемся после, пустяк.

К бояну и половцу едет сам хан.

Взбирается конь на высокий курган.

На первого русского хочет взглянуть,

Понять его чаяний самую суть.

- Ты кем будешь, старец, здесь? Местный шаман?

- Нет, я не колдун, а гусяр и боян.

- Пропой мне хвалебные гимны, старик.

Я скоро уж весь покорю материк!

Но в сторону гусли боян отложил.

- Когда-то и я в ополченьи служил,

Встречал печенегов на Лыбедь-реке.

Но годы молодые мои вдалеке.

Добро, иноземцы, пожаловать в ад!

Домой не вернётся ваш конный отряд!

- Ты что там буровишь, старик, замолчи!

От всех городов мне приносит ключи

С дарами, с поклонами рабскими знать.

- У нас повстречает вас витязей рать.

Вы что позабыли на русской земле?!

Я сам летописцем был в монастыре

И знаю завет – кто с мечом к нам придёт,
Кончину безвременную здесь найдёт!
- Ты зря нас пугаешь, старик, не проймёт.
Мы не из пугливых кочевный народ.

Мы вашей суровой зимы подождём.
Она нам как сибирякам нипочём.
Пусть все водоёмы морозом скуёт.
Так конница сможет пройти меж болот.

Иди, возвращайся назад в монастырь
Готовиться к смерти, читая псалтырь.
И счастье твоё, я шаманов не бью
И певчему люду я благоволю.

Ты битву на Калке, старик, помяни.
Она повторится в ближайшие дни.
- О, горе мне, горе! Я старый боян
Сражаться бессилен с ордой басурман!

Кочевники мимо кургана прошли.
А старец тот ухом коснулся земли.
«Затмение было ведь в прошлом году!
Так вот оно, значит, пригнало орду...»

И вот на пути стоит крепость Рязань.
«Здесь девушки голыми ходят из бань,
Княгиню, что телом прекраснее всех,

Зовут Евпраксия, влекущая грех» -

Так байки трепал, заплетая аркан,
Один половецкий князёк Шарукан,
Схватили без боя которого в плен,
Кто с золотом клянчил свободу взамен.

На речку Воронеж пришёл Бату-хан,
Десятую долю забрать у славян,
Потомка динлинов, какому не рад,
В Рязань шлёт послом без возврата назад.

«Езжай к ним и волю мою объяви –
Прошу их покорности я и любви,
Без боя пускай подчиняются мне
И въеду в Рязань я на белом коне.

Я символом власти тебя увенчал», -
Лукаво Батый его увещевал.
«А коль не вернёшься, тебе керексур
Насыпдем в столице мы Каракорум».

Рязанцы вернули обратно посла
И с ним передали такие слова:
«Мы помним на Калке суровые дни.
Войной по Рязани ты, хан, не иди.

Тебе соберём десятину мы в срок
И княжеский сын привезёт тот оброк».

Решил Юрий Ингваревич за войну,
Но время растягивал, как тетиву.

Владимир о помощи просит Рязань.
В Коломну и Муром гонцов гонит в рань,
Чтоб Всеволод Пронский и Красный Олег
В защиту из войск привели оберег.

Бревенчатый кремль, построенный тут,
Шедевром, кто ценит искусство, зовут,
Искусного зодчества он образец,
Но скоро шедевру настанет конец.

Вот княжеский сын едет к хану послом,
С дарами к Батыю склоняется он.
Но в хане в походе играет гормон –
Он хочет славянских попробовать жён.

«Рязанских вельмож мы имеем донос,
Что тело княгини прекраснее роз.
Отдай её на ночь мне, только тогда
Уйду и не трону твои города.

Пускай, Фёдор Юрьевич, твоя жена
Придёт ко мне ночью покорной одна.
Ты жажду дарами стремясь утолить,
Как смел красоту от меня утаить?!»

С презреньем Батыю посол отвечал:

«У нас на Руси так не рубят с плеча.
Ты в похоти зря распалился своей.
Мою Евпраксию ты трогать не смей!

Негодно водить своих женщин на блуд.
Мы здесь христиане, чтим Праведный суд.
Чего захотел ты – княгиню иметь!
Убей всех, тогда будешь ею владеть.

Ищи себе женщин из рабских племён.
Любилка не выросла для русских жён!»
И, зная, что ходу не будет назад,
На хане он рвёт золочёный халат.

Батый разъярился и кличет схватить
И Фёдора князя жестоко казнить.
И стража его, Дэлгерхан и Сонгол,
Два верных кэшика, бурят и монгол,

Хватают и вяжут рязанских послов -
Приказы они выполняют без слов.
Всех русских, приехавших с Фёдором в стан,
Казнят перед строем под их барабан.

И только Апоница, княжий пестун,
Невидимый, как полуночный колдун,
Из ставки Батые вернулся назад,
Укрывшийся лесом, бредя наугад.

Княгине Евпраксе он всё рассказал,
Как хан её мужа казнил, убивал.
В сафьянных княгиня была сапогах
И сына Ивана держала в руках

И, те смертоносные слыша слова,
Из терема бросилась тотчас вдова,
Разбилась, до смерти поранив висок.
Был княжеский терем велик и высок...

Великий князь Юрий, ей свёкор и друг,
Бояр, воевод созывает на круг,
Чтоб в тризне своей поминальной грустить,
За сына монголам решив отомстить.

Князь в вылазку конных дружинников рать
Послал на врага на скаку убивать.
Простился и сам с Агриппиной своей.
И не было сечи ужасней и злей.

Но силы Батыя весьма велики,
Разбили рязанского князя полки.
Из храбрых дружин резвцы, удалцы
Сложили главу и мечи-кладенцы.

Батый уже хочет Рязань захватить,
Коль смог её войско он в поле разбить,
Град Бел, Ижеславец и Пронск разорил,
Их жителей всех поголовно убил.

Текли реки крови обильно в тот год.
Под плетью пленённый сгоняли народ
И смерти угрозой монголы в хашар,
Чтоб силами пленных был штурма удар

На крепость, что непокорённой стоит.
За гордый её, независимый вид,
Богатство ресурсов, земель широту,
За смелость людей и за их красоту

Батыю был страшен любой человек.
Так стал страстотерпцем брат князя Олег.

Ножами палач его тело рассек
За то, что он веру свою не отверг.

Батый его пленным хотел запугать,
Чтоб волю его этим страхом сломать.
Он вынул из ножен монгольский клинок
И ткнул остриём ему в пах между ног.

«Из литой и тигельной стали в огне
Ковал мою саблю кузнец в Фергане.
А ваши клинки наших хрупче вдвойне.
Безумие - сопротивление мне!»

На что ему Ингваревич отвечал:
«Для русича меч ваш – всего лишь кинжал.
Клинка похваляешься сталью, чудак.

Да мы без мечей вас задавим и так.»

Хан видит, что князя ему не сломить.

Приказ даёт - в муках Олега убить.

Но руки трясутся и взор воспалён,

Не ведал такого бесстрашия он.

И билась пять дней неотступно Рязань.

Защитники изнемогали от ран.

Гуюк, Мунке, Орду, Кюлькан и Хадан

Бросали тумены свои на таран.

Рязань возвышалась над берегом Оки.

Дороги к ней все перекрыли враги.

Но мощны её окружали валы,

А перед валами глубокие рвы.

Сменяет штурмующим гиканье свист

И в помощь обстрел катапульта и баллист,

И кровью убитых врагов освящён

Был натиск их девятихвостых знамён.

И пала Рязань, была разорена

Ударами сверху и сзади она.

Порублен, поруган был град и снесён

И нет его больше с тех самых времён.

А наш Чагатай, от тех мест не далёк,

Брал Красный он штурмом своим городок.

А в городе этом на речке Осётр
Княгиня красавица делала смотр

Своим ополченцам, каких со всех ног
Её воевода собрать быстро смог.
Кто с вилами прибыл, кто взял топоры,
Принёс кто батоги, а кто гарпуны.

Княжна Добродея глядела на рать,
Готовую ради неё умирать.
Взволнованно щёки пылали её
И, тело красивое пряча своё,

В соболию шубу, собою стройна,
На ратников нежно взирала она.
О, дикое поле – ковыльная степь!
Такую красу как мурзам не хотеть?!

В глазах её тёмных, как вишни в лесу,
Манящий призыв. Убирает косу
В шелковый платок, что зовётся убрус.
Высокая грудь её низками бус

Увешана. Красный на ней сарафан
И юбка-понёва, и стройный свой стан
Несёт она лебедью плавно, легко,
А в омутах глаз её так глубоко.

В роду её не было дев-вековуш.

И славный нашёлся красавице муж,
Рязанского князя сын Ингварь – резвец,
Крепящийся к шлему флажок - яловец.

Старинный с ним в ножнах его харалуг.
В игрищах он, девок сзывая на луг,
Невесту на гульках уманских нашёл.
На стругах под парусом свататься шёл

Весной к Добродее Всеславне своей,
Лишь только шестнадцать исполнилось ей.
Семь лет она с мужем в любви прожила
И сына Аскольда ему родила.

Недолгое счастье их прятавший лес
На тыны раздал и строительный тес.
Как студень мохнатый наваливал снег,
Вдали был замечен монгольский цэцэг.

То ехал к воротам наёмный кипчак,
Кружил на коне и угрозы кричал.
«Ваш князь с поля боя трусливо бежал.
Он хану Батыю ваш град задолжал.

Откройте ворота смиренной толпой
Вас хан пощадит, уведя за собой.
Но ежели вздумаете вы роптать,
То на колу птицы вас будут клевать.»

Выходит на стены к посланцу княжна,
Как будто воительницей рождена,
И гордо его отвергает призыв,
Хоть о безопасности и позабыв.

Ведь нравом она в византийских принцесс
Из рода Камнинов, имеющих вес
В самом Трапезунде, где дед добывал
Приданого анатолийский коралл.

Расшитая жемчугом шапка на ней,
Что кикой зовётся и воин степей,
Кто был толмачом – переводчиком тут
Спросил только «Как тебя, Солнце, зовут?»

- Зачем тебе это, наёмный кипчак?
Что даст тебе имя моё, ведь ты враг?!
Ступай и ответ мой пред ханом держи –
Мы будем стоять за свои рубежи!»

Когда Добродею узнал Чагатай,
То в сердце его расцветать начал май.
Приехал с послом он к притоку Оки
И глаз её омуты видел реки.

Записку всю ночь он писал с толмачом
С любовным признанием к ней в сердце своём.
В себе он не ведал границ глубины,
Которые с ней ему стали видны.

Стрелой запускает записку за тын
И едет в свой лагерь не как господин.
«Я стану рабом твоим!» - он ей писал.
«С тех пор, как на стенах тебя увидал,

И после, общался когда с толмачом,
Пронзила мне сердце калёным мечом.

Теперь я навеки тобой покорён
И понял - в тебя, Добродея, влюблён.»

Не верил влюблённый, что будет ответ,
Рискуя, что станет известен секрет
Задержки командного зова на штурм.
Всю ночь он не спал, был взволнован, утрюм.

Ответ не дозорный принёс на стреле,
Голубка в кулоне, сокрытом в крыле.
«О чём ты мне пишешь, захватчик степной?
Чтоб я, бросив мужа, сбежала с тобой?!

Любовью неслыханной манишь при том,
Что земли мои попираешь конём.
Батый десятину потребовал с нас,
А ты соблазняешь изменой сейчас.

Так знай, чужестранец, хоть я молода,
Но сына имею в молодые года
И мужу на веки я буду верна,

Какой бы жестокой не стала война!»

Как вести о гибели русских послов
Пришли к Чагатаю, он понял без слов,
Что в крепости юной княгине не жить
И лучше он сам её должен убить.

Он бросил на город свой грозный тумен.

Смола с кипятком полетели со стен.
Но так малосилен был тот городок,
В геройской защите своей одинок,

Что вскоре на улицах в злобе от ран
Монголы рубили уже горожан.

Безжалостно темник погнал рысака.
Вот княжеский терем и лестниц рукав.

Сражённые стрелами слуги лежат.
Замолк и не слышен из церкви набат.
С прерывным дыханьем бежит Чагатай
И видит, княгиня ступает на край.

Идет по карнизу она не спеша.
Бойтся монгол, затаившись, дышать.
В руках её мальчик шести-семи лет
И взгляда красивого меркнувший след.

- Постой! – он на тюркском кричит языке,
Пытаясь зажать её в сильной руке,

Но, птицею вскрикнув, спорхнула с окна,
О наледь у дома разбилась она.

Нечленораздельно монгол завопил,
Что ту потерял он, кого полюбил.
Утрата на сердце оставила след.
Казнить приказал он всех пленных в ответ.

IV

Потом под Коломною были бои.
Монголо-татары жгли монастыри.
И вести суровые в ставку гонец
Привёз из Коломны, труслив, как беглец.

- Почил под Коломною брат хана Кюльхан.

- Скончался по возрасту?

- Умер от ран!

- Какие все злые у них города!

Как снег, моя тает в походе орда.

Батый поминальный мотив заскулил
От ярости руки трясутся без сил.
Ему к Угэдэю писать некролог,
А мысли не вяжутся в несколько строк.

Потом был Владимир взят и Ярославль,
Ольгов, Вщиж, Козельск, что покрыл себя славой.
На реках Удруса, Верекса костищ
Несчётно число после их становищ.

Владимир был крепостью каменных стен
И реками был с двух сторон окаймлен.
Там Лыбедь и Клязьма и свод Златых врат,
По случаю штурма поднявших набат.

Из камня детинец и монастыри,
Дружина не воины – богатыри.
Но город оставил владимирский князь.
Сам Юрий на Сить убежал, помолясь,

Чтоб там ополчения силы собрать
И двинуть на город сермяжную рать.
Поставив заслоны по разным местам,
Князь войско своё распылил по лесам.

Владимир богатая предала знать.
Два князя к Батыю решились сбежать,
Но он как предателей трусов казнил.
Предательства и у врагов не любил.

Напрасно округу сзывая в набат,
Владимирский колокол с «Золотых врат»
Гудел над детинцем и монастырём,
Никто уж не чаял спасения в нём.

Чтоб спиленным лесом заваливать рвы,
Монголы сгоняют хашар из Москвы
И суздальцев, взятых недавно в полон
Щитом своим ставят пред рвами на склон.

Владимира семь неприступных ворот
С верблюжьими жилами взял камнемёт,
Оставив разрушенным древний оплот,
В котором никто уж не встретит восход.

Князь Юрий семью всю свою потерял,
Всё мёртвых детей имена повторял.
Сын младший Владимир пленён у Москвы,
Пред городом-тёзкою сброшен во рвы.

С Мстиславом и Всеволод пали у стен.
С дарами бежали во вражеский плен.
Назад воевода Ослядыч их звал,
Но братья к монголам спустились за вал.

Метались, не зная, что им предпринять,
За шкуры свои не смогли страх унять.
Сначала в монахи постриглись они,
А после как трусы врагом казнены.

Из белого камня Успенский собор,
Давал осаждавшим последний отпор.
Несчётными штурмами взять не смогли
Монголы, его обложив, подожгли

Княжна Феодора, ей девять лишь лет.
Погибла, совсем не набрав ещё цвет.
С Агафией матерью разлучены
В Успенском соборе они сожжены.

Расписывать стены алтарных апсид
Людей Барбароссы к себе пригласил
Когда-то Андрей Боголюбский и вот
Сгорает в соборе церковный приход.

А Юрия темник побил Бурундай,
Об этом от хана узнал Чагатай.
На Ситскую битву дружину позвал,

Князь Юрий бездарно её проиграл.

Позорно свой полк воевода Дорож
Почти без оружия подставил под нож,
Проспал, положил полуголых у изб -
Монголы разбили владимирцев вдрызг.

Чернигов князья раздирали давно.
Он был, словно вытопанное гумно,
Расчищен в их междоусобной войне,
Из них не один здесь бывал на коне.

Владимир, Мстислав, Изяслав, Даниил,
Кто помощь у половцев даже просил,
В Чернигов вторгались, сжигая посад,
Крестьян разорив, уходили назад.

В осадах, набегах из разных сторон
Стоял неприступным измученный он.
А князь его, Всеволодович Михаил
С войной на Литву при ордынцах ходил,

Метался, не зная, на трон какой сесть
И титулов князя имел пять, ли шесть.
И в Переяславле, и в Новгороде,
В Чернигове, Галиче – был он везде.

И в Киеве княжий он принял венец,

А Всеволод Чермный ему был отец,
За рыжую бороду прозванный так,
Кого считал князем наёмный кипчак

С двузубцем на знамени с конским хвостом,
Что стало в Чернигове главным при нём.
Кутасом плетён половецкий бунчук.
С рогатым древком охраняем досуг.

Раз князь половецким был горд бунчуком,
Держал его выше хоругвей-знамён,
То город его и не смог устоять,
Когда с ним монголы пришли воевать.

Чернигов был взят среди топких болот,
Последним пред Киевом бывший оплот.
Напрасен надежд был черниговцев труд –
Попрали знамёна наёмников тут.

V

Гуюка и Мунке зовёт Угэдэй.
Он ждёт приближение смерти своей
И хочет наследный устроить обряд.
Все в Каракоруме о том говорят.

Год тысяча двести шёл сороковой.
Под Киевом полчищ кочевничьих вой,
Монгольских улусов ристалищный чад –
Монтаж камнемётов у городских врат.

И снова командует войском Батый.
А там, на горе, где когда-то жил Кий,
Над устьем Почайны и поймой Днепра,
Кишел муравейником город с утра.

И там Десятинная церковь стоит
И вид её каменный тем знаменит –
Там мощи Владимира, Ольги лежат
И свечи по ним в поминальные дрожат.

Владимир Великий, Владимир Святой,
Кто Русь покрестил своей твёрдой рукой,
Здесь первую церковь на Старой горе
Построил когда-то. На смертном одре

Снесён был туда, где в глубинах земли
И матери мощи его погребли.
Последних защитников этот оплот
Под сводами рухнувшими погребёт.

У русских рязанская дата невзгод –
Шесть тысяч семьсот сорок пятый был год.
А тысяча двести год сороковой –
Шесть тысяч семьсот уже сорок восьмой.

Кто от сотворения Мира вёл счёт,
Тот даты такие конечно поймёт,
А мы обнулили весь счёт Рождеством
И сами не знаем, что будет потом.

Но вот уже войско из разных путей
Под Киев привёл урянхай Субэдэй,
У хана Бату полководец и друг,
Еще с его дедом натягивал лук.

Верховный Монголии хан Огодай
Сказал чингизиду: «Ты Киев мне дай!
Я шлю с тобой Орду, Шибана, Бури,
Пайдара, Кадана, Танкута. Порви

Ты сопротивленье славянских племён
И Киев пусть будет тобой разорен!»
Батый поклонился, уехав в улус,
Когда собирался походом на Русь.

Батый был правитель улуса Джучи,
Он титул от деда хотел получить.
А дед его был Тэмуджин Чингисхан.
Но, чтоб быть как он, нужно взять много стран.

За Киев бесменно жестокий шёл бой.
На стены бросались волна за волной.
И слабое место – у Лядских ворот
В отчаянном натиске скоро падёт.

Данило Галицкий в Европу бежал,
А тысяцкий Дмитр оборону держал.
В Детинец он спрятал всех дев и детей,

А сам шёл на стены с дружиною всей.

Несметные полчища он увидал,
Как стали взбираться монголы на вал.
Он витязям насмерть стоять приказал.
Из них кто-то лавой врага поливал,

Из лука стреляли, метали копье,
Но лезло на стены тулупье тряпье.
И чтобы забыться от жутких забот,
Напевами глотки дружина дерёт.

В напевах былинный, размеренный слог,
Отшельник-монах записать его смог.
Даю тех напевов вам самую суть,
Кому не понравится, не обессудь.

«В рубахах шёлковых батыры,
Чтоб стрелы лучше вынимать,
Пришли со всех концов Сибири
На землях русских умирать.
Смогли построить камнемёты.
Китайцы дали им напалм.
И, словно Грендель к Хеороту,
Все силы к Киеву собрал
Батый, ведя свои тумены
На наш прекрасный стольный град,
А в них татары и туркмены,
И половец-предатель, гад.

Они боятся рукопашной,
Но гонят пленников вперёд.
Руками драться с русским страшно,
Ещё не знаешь, чья возьмёт.
Добра награбленные груды
По полозьям на первый снег
За ними тянут их верблюды
Под нестерпимый скрип телег.
В санях их бычий лук осадный
Уж тянет к городу хашар
С тараном, весь в поту надсадном,
Чтоб первый нанести удар.
Но стойка будет наша гридня
И мощны бойницы у стен,
Пусть даже все мы здесь погибнем,
Но не дадимся в вражий плен.»

Натужено город стоит девять дней
И девять ночей не смыкает очей.
На стенах в пробоинах вновь идёт бой.
У Лядских ворот поредел уже строй.

Ночами здесь дети на помощь отцам
Монгольские стрелы приносят бойцам.
Но бьют каменёты и башни крушат.
От шума великого гулко в ушах.

Воскликнул Димитр Галицкий со стен:
«Не будем монголам сдаваться мы в плен!

Для них только данники мы и рабы.
Хотите потомкам такой вы судьбы?!

Так бейтесь же насмерть с врагами Руси!

А пленный пощады у них не проси.
За гибель Рязани, Владимира мы
Отплатим поганым из нашей казны!»

Как пламя дракона, напалм прилетел
И воины гибнут под тучами стрел.
Вот первый рубеж обороны уж пал
И ринулся в город захватчиков вал.

Их каждый мечтал, что захватит в полон
Красивых девиц и, возможно, княжон.
Детинец, как ёж, ощетинился весь,
Как идол стоит, изгоняющий спесь.

В нём девушки в храмах и монастырях,
Покорные смерти ждут у алтаря.
Поёт Богородице клирос смелей
И лик мироточит её у свечей.

На подступах витязи бьются к Дворцу,
Но их сокрушили батыры, к крыльцу
Прорвались, взломали амбары, замки,
И тащат шелка и пушнину в тюки.

Хватают девиц в коридорах дворца.

И тут же терзают, не видя лица.
На улицах паника, зверства и смерть.
Был счастлив, кто сразу сумел умереть,

Кому не пришлось в эти дни претерпеть
Сажания на кол, живьем кто сгореть
В бою не успел и не видел позор
Бесчестья девиц, увлажняющий взор.

VI

Собрались нойоны на их курултай.
И темник присутствовал там Чагатай.
Батый, устрояя воинственный дух,
Свои недовольства высказывал вслух.

Уж старый советник ему нашептал,
Чтоб, кто дисциплину в войсках нарушал,
Казнён был публично, других утратить,
Чтоб дальше великие планы вершить.

Советник Батые был старый хитрец,
Шаман-прорицатель придворный и льстец.
Он пел про искусство монгольской войны.
«Мой хан, всему миру монголы страшны.

На Русь мы пришли, как и нужно, зимой
С летучим отрядом завязывать бой.
Наш лук – самый лучший для дальней стрельбы.
Манёвры быстрее, чем звуки трубы.

Расстреливать стрелами метко врага
Мы можем на триста четыре шага.
В запасе у воина тюркский сайдак
Для лёгких изматывающих атак.

Щипает противника наш авангард,
Подвижный и лёгкий, как барс-леопард.
Осыпать их стрелами, ранить коней
И в бегство суметь обратить поскорей –

Вот тактика конницы лёгкой твоей,
Кто в мягких доспехах хатангу-дегель.
Бойцы в ламинарных доспехах хуяг
Разгром завершают тяжёлых атак.

И лошади наши выносливей всех,
Мы с ними Европу возьмём без помех.
Но, хан, не спеши скоро бить в барабан
И строить орду в боевой караван!

В накарару стучать нужно повременить,
Сначала изволь жалких трусов казнить,
Кто яды в тщеславии варит измен,
Кому доверять нам не стоит тумен.

Ведь сам Чингисхан тех сурово карал,
Пускай даже юртчи кто был генерал,
Но если владыке он смел изменять,

Ужели не должно такого карать?!»

- О ком ты глаголешь, мой мудрый Бурдюк?

Кому отрубить хочешь кисти их рук? –

Лукаво Батый посмотрел на него,

Советника знатнейшего своего.

- Кого я имею в виду, угадай.

Прошу, Чагатай, мой хан, покарай!

Он чуть не сорвал наш поход на Торжок.

Сам стал, как зарвавшийся спесью божок.

- Он темник у нас, охраняет сарай,

А ранее был кешиктен, Чагатай.

В гвардейцы его посвятил Тэмуджин.

На то было много когда-то причин.

Маршруты кочевий и стан лагерей

Он нам предлагает всех юртчи быстрее.

Каким обвинением вооружён,

Я должен его наказать, как дракон?

- Со штурмом он медлил, мой хан, крепостей.

Тех есть достоверный источник вестей.

Один половецкий князёк Шарукан

Подробно об этом поведал, мой хан.

Влюбился в княгиню темник Чагатай

И медлил со штурмом. Казнить его дай!

Из рода меркитов поганый он пёс.
Казнить, чтоб опаснее бед не принёс!

- Ну-ну, не спеши, мы проверим донос.
Я сам ему лично задам тот вопрос.
И коль, испугавшись, опустит глаза,
Я лично его прикажу истязать!

И вот Чагатая ведут на допрос.
Тот смотрит смиренно, как пленный Христос.
Улыбку его окрыляет венец,
Как будто бы мученик он и мертвец.

Батый ему пристально смотрит в глаза.
Сомнений клокочет уж в хане гроза.
- Сорвать наступленье, а ну отвечай!
Хотел ты минувшей зимой, Чагатай?!

- Я видел, как трупы бросали во рвы
Порубленных жителей без головы.
И сам, указуя перстом на толпу,
С стрелою натягивал в них тетиву,

В рабов отбирал только юный народ,
Насиловал девушек в задний проход.
Но грех безнаказанных оргий расправ
Совсем искалечил мой чувственный нрав...».

Батый его выслушал и пощадил,

Поскольку в душе он меркитов любил,
К тому же он сам был на четверть меркит,
Но свято улус эту тайну хранит.

Батый отпустил его и пожалел,
Но званья лишил, отстраняя от дел,
И Киев вручил разоренный стеречь,
Чтоб пленных остатки тот смог бы сберечь.

А он, среди казней, пускающих кровь,
В разгромленном Киеве встретил любовь.
Ремесленник дочку свою укрывал.
О том Чагатай вдруг внезапно узнал.

С охраной он едет в ремесленный дом,
Чтоб всех наказать арестованных в нём.
И видит красавицу русской земли,
И сердце его поддаётся любви.

Он видит глазами своих дочерей,
Как может жестоко расправиться с ней.
И жалость, и нежность, его охватив,
Рождают в нём счастья влюблённый порыв.

Славянка в монгольские смотрит глаза.
Дрожит серебристой росой слеза.
Кричит, из последних срывается сил,
Что русских никто ещё не покорил.

«Что смотришь, ужасный и дикий монгол?!

Машиной убийства коварен и зол.

Ты думаешь, счастлив твой будет поход?!

Сломает хребет тебе русский народ!

Великого князя дарует нам Бог,

Чтоб всех под знамёна собрать нас он смог.

Настанет пора и проснётся народ

И сбросит ваш данников тягостный гнёт!

Заполнены Киева внешние рвы

Казнёнными трупами без головы.

Почайная кровью залита река,

Усеяны в трупах её берега.

Был гриднем мой парень, его уже нет.

Я дать поспешила безбрачный обет

Монахиней стать, только в трудный сей час

Воительницей ненавижу я вас!

Когда-то Георгий дракона сразил.

Господь одарил его парюю крыл.

Суровые снова пришли времена.

На Русь надвигается сам сатана.

Но в сопротивлении духом тверды

Не гнёмся под игом поганой орды!

Хоть весь геноцидом порежете род,

Восстанет из мёртвых славянский народ!

Он будет един, и красив, и могуч,
В хоругвях сверкнёт его меч, словно луч.
Он в сечи захватчиков племя сразит,
Им будет любой истреблен паразит.

Вы разных народов пригнали стада,
Чтоб русские грабить и жечь города.
Но в будущем минет немного веков
И мы те народы возьмём под свой кров.

Не вашей, а нашей империи быть!
И нас никогда вам, монгол, не сломить!»
Не знает монгол древнерусский язык.
Он слухом своим только к тембру приник.

Но так выразителен девушки вид,
Такая любого без слов вдохновит.
И дрогнуло сердце монгола, из рук
Летит его меч и срывается лук.

Но воинов много с ним рядом вокруг.
Десятки к ней тянутся с саблями рук.
Взмах саблей и, сбрую коня теребя,
Она принимает удар на себя.

- Довольно! – кричит он взбешённым бойцам.
- Пощада не ведома вашим сердцам?!
Зачем вы срубили прекрасный цветок,

Что в мир этот дарит лишь нежный восторг?!»

И слёзы из глаз его чёрных текли,
Когда двух наложниц к нему привели.
- На! Выгони семя. Забудь. Отдохни.
Напрасно страдаешь от этой фигни.

Вперёд к Адриатике с ханом пойдём.
Русалок из моря в рабыни возьмём.
Бери двух красоток и пользуй, артист.
И завтра чтоб снова был кавалерист!»

Но наш Чагатай только солнца луч сел,
Верхом проверять едет мёртвый удел.
Начальником тысячи в Киеве он.
Минганом зовётся такой батальон.

Понижен, но главное, что не казнён,
В немилость попал среди прочих имён.
Батый, дисциплину в рядах укрепив,
Куманов погнал по Кипчацкой степи.

Вот иноходь гонит его среди постов,
В тулупах стоят патрули у костров.
Кто жарит здесь мясо, кто точит ножи.
«Ведь чьи-то они сыновья и мужи», -

Так думает, мимо спеша, Чагатай
И едет уж за охранения край.

И вид убиенных, кого караул
Раздел, словно сердце его полоснул.

Ремесленника он находит там дочь
И, девушке этой не в силах помочь,
Её запахнул в длиннополый тулуп
Остывший уже и безжизненный труп.

Свой войлочный, мехом обшитый малгай,
Понуро снимает монгол Чагатай.
Кольшется ветром суконный плащ цув,
Полощет, как знамя, все полы раздув.

Забавна причёска его головы.
Макушка вся выбрита до синевы.
Лишь чёлка и косы в затылке кольцом
Свернулись и в жемчуге блещут венцом.

На нём яркий дегель, гуталы, бойтог,
Но в холоде, словно не чувствует ног.
На поясе пряжка, на пряжке дракон
И лотосы, вьющие стебли на трон.

Нефритовый перстень. Не зря Чагатай
Разграбил в походах не первый уж край.
Но всё опостыло, противно ему.
В разрушенных храмах устроить тюрьму

Уже не спешит он, бросая свой взор

Почти как фашист, на Софийский собор.

Но вновь возвращается к деве своей,
Проститься торопится с ней поскорей.

Хоронит её в темноте за Днепром
В нетоптаном месте монгольским конём.

Наутро разбитый, с больной головой
Он просит отставку и едет домой.

VII

Навстречу уныло тащились одры
Коварно убитых князей из орды.
На каждом из войлока плащ-епанча
И вставлена в руки из воска свеча.

Над ними тумана плывёт пелена
И девичий образ являет она,
Поверх над повозками только на миг
Который в печали глубокой возник.

Богиню монгол видит русской земли,
Кто жестом стоять ему, внемля, велит.

Росою блестят украшенья её
И юное смотрит открыто чело.

И взгляд её синих сверкающих глаз
Монгола всего поразил в тот же час.

Он благоговейно слезает с коня,
С молитвой колени к земле преклонять.

- О, кто ты?! Открой своё имя, молю!
Не ведая прежде, тебя я люблю!
- Я Звента-Свентана, печалей юдоль
Принёс ты на Русь, причинивший ей боль.

Русь-матушка с гибелью княжьих элит
Под плачь поминальный всенощной скорбит
Не тризною с плясками голых девиц
И жертв приношений в безмолвии жриц,

А кротким молением и схимой своей
Она отпевает погибших людей,
Стеная и плача, взывая к творцу,
В готовности вся к испытаний венцу.

- Я в жизни своей никого не любил.
Придя на Русь, понял, как пусто я жил.
Все помыслы гадкие были мои.
Бальзамом мне на душу речи твои.

Богиня, молю, ты монгола прости!
Мой путь одинокий звездой освети.
В свой край я неведомый дух красоты
Хочу донести, что явила мне ты.

- Вели, чем прощение прежде просить,
Наложниц ты свой караван распустить.
Вот плачешь, тебя, мол, никто не любил,
А сколько жизни ты сам погубил?

Я тайну России открою тебе,
Которую ты не узнаешь нигде.
Россия – загадочная сторона,
Какая не силой, любовью сильна.

Побили вы силу, пустили здесь кровь,
Но силою не одолеть вам любовь.
Она на хоругвях и на алтарях,
Звенит золотым перезвоном в церквах,

Слезами девиц, провожающих в бой,
Она обжигает их юношей строй,
Дружинников храбрых и богатырей,
Какие становятся с нею сильней.

Она с материнским у нас молоком
И в свадебных кольцах с ней каждый знаком.
Она в нашей верности, в вере, монгол,
А ты посадить её хочешь на кол.

- Богиня, хочу обрести я покой.
Погрязший в грехе я и скверне срамной.
Скажи мне, святая, как правильно жить,
Что делать теперь и кого мне любить?!

- В Владимире есть белокаменный храм.
Его весь разрушил почти Бату-хан.
Езжай туда, стенам его поклонись,

И нашему богу Христу помолись.

А чтобы ты помнил всегда обо мне,

Явлюсь я иконой в дороге тебе.

- Богиня! Прошу, не покинь ты меня! –

Монгол под уздцы поднимает коня.

- Явись мне красавицей, юной женой,

С какой к Селенге я поеду домой

И буду Христовый там Новый Завет

Монголам глаголить до старости лет.

- Монгол, ты женат и имеешь детей.

Скорей возвращайся к супруге своей.

Наложницы отданы в руки твои,

Ты в веру Христову их всех обрати.

- Вину перед русскими как искупить?

- Ты должен, монгол, научиться любить.

Но только, ты слышишь, любить, не хотеть.

Для этого прежде бросай свою плеть.

От жизни своей навсегда отрекись,

Езжай в монастырь и в монахи стригись.

- От жизни своей я уйти не могу.

Я к женщинам в сердце любовь берегу.

Любви не иссяк, не истрачен мой пыл.

Всего лишь не реализован он был.

Хочу в многожёнстве себя испытать.
Для счастья мне русская дева под стать.

Ты тягой моей меня не попрекай,
Как будто один захожу я за край.
Владимир Креститель, ваш знаковый князь
Имел многожёнства блудливую связь.

Пять жён и наложниц семьсот – восемьсот,
Как царь Соломон, женолюбец красот.
По миру он семя своё разбросал,
Чтоб был ему родственным каждый вассал.

- Найди сиротливое в поле дитя,
Домой увези, посадив на коня,
В любви и заботе её подними,
А вырастет – в жёны законно возьми.

Виденьем любитесь нежно монгол.
Повозку с убитыми вдаль тянет вол,
А с ним незаметный такой пастушок
В кленовый свой наигрыш тянет рожок.

Видение девы красивее всех.
Блестит соболей отороченный мех.
Красивый орнамент височных колец
И жемчугом вышит парчовый венец.

В привесках билонных конёк-амулет

С солярными знаками свастик секрет.
Зелёные бусы и гривна, на ней
Орнамент из лунниц плетён и ветвей.

Звонят обереги височных колец,
Сияет от снега девичий венец.
Волнует и манит, влечёт, как магнит,
И сердце любовью мираж бередит.

Виденье кивнуло прощально ему
И, глаз растворяя вдали синеву,
Исчезло, ушло, как уходит туман,
Развеялся ветром виденья дурман.

Лебязью девой явилась ему
Как счастье, подобное лёгкому сну.
С видением тем потерял он покой,
Но дальше пока не поехал домой.

Монгол всё исполнил, как образ сказал.
К Владимиру он на рысях поскакал.
Увидел разбитый Успенский собор,
Его увлажнился раскаянья взор.

В разрушенный город он входит пешком,
Чтоб встретиться с человеком, оставшимся в нём.
Встречает монгола испуганный князь,
Сказать поперёк ему слово боясь.

То Юрия брат был родной Ярослав,
Кто с Чермным ещё воевал и был прав.
Был Всеволода сын Большое Гнездо,
С монголами также ему повезло.

Скончался великий хан сам Угэдэй
И ставят на троне Гуюка скорей.
Зовут Ярослава все в Каракорум
Присутствовать на воцаренье. Угрюм,

Всё бродит в руинах владимирских князь,
Решается ехать в Орду, помолясь.
И вот, Чагатаем весь приободрён,
В последний поход собирается он.

И с ним Чагатай, помолившись крестам,
Выходит и гонит коней по ночам,
В пути объезжая заставы орды,
Идёт в направлении новой звезды.

Рабов распускает, покинув орду,
Награбленный скарб раздавая в бреду.
Жена его грозная, словно Бортэ,
Встречает не дома его, а в седле,

И видит, и знает из писем друзей,
Что муж её спёкся, стал бабы слабей,
И ночью глубокой во власти тоски
Зарезала мужа, любви вопреки.

Воскликнул его старший сын Челубей,
В табун отгоняя взмылённых коней:
«Отцу честь батыра была дорога.
Зачем он вернулся без славы тогда?!

С собою привёз только пару сапог...»
То обувь была дорогих ему ног –
В сафьянных сапожках и в мантии риз
Его Добродея и кинулась вниз.

VIII

А брат Чагатая, батыр Хостоврул
Булгарских наложниц пустить в свой разгул
Не смел, приходилось их зорко стеречь.
Средь них дочь эмира была Алтынчеч.

Булгарской принцессы потуплен был взор.
В одежде причудливый вышит узор.
Она поминала погибших булгар,
Оплакивала её павший Биляр.

С предгорий Памира и гор Гиндукуш
Народ её предков был крепок и дюж.
Отец златовласки - эмир Аспарух
В боях испустил героически дух.

Монголы в осаде Биляр стерегли.
Годами они его взять не могли.
Эмир свою крепость весьма укрепил

И в вылазках конных урон приносил.

Но только монголы не знали преград.

Китай ими был покорен и Багдад.

Биляр разрушали они, не спеша,

Из всех стенобитных орудий круша.

И пала столица, и сесть на коня

Пришлось Алтынчеч, чтобы честь охранять.

С ней верные слуги из свиты отца.

У каждого сердце в груди храбреца.

Из города с боем прорвались они

И пали за Волгой в башкирской степи.

Упала тогда на лету скакуна

В погоне, устроенной ей, и княжна.

Мгновенно ужалила в горло стрела

И выпала дева в траву из седла.

Начальник джагуна, зажав во рту плеть,

Той раненой пленной хотел овладеть.

Но в страхе подумал, что скажет минган,

Казнят перед строем под их барабан.

Он пленницу вьючит к себе на коня,

В тумен к Чагатаю привозит, храня.

Тот видит прекрасные девы черты.

- Найдётся ценитель твоей красоты.

Я хану тебя Угэдэю продам,
Пошлю с Хостоврулом рабов караван.

- Напрасно сиять моей в небе звезде.

Чтоб я перерезала горло себе,
Ты дай мне, монгол, самый острый клинок,
А после уже посылай на Восток.

- Клинком ты б зарезать охрану смогла.

Насчет Угэдэя тебе я солгал.
Принцесса, такая ты нравишься мне.
Родишь мне наследника в нашей стране!

Разденься, чтоб я посмотрел на тебя,
Познал красоту твою, нежно любя.
И дева, задумавшись только на миг,
Спустила одежду, и он к ней приник.

А после с заботой в дорогу собрал
И с братом домой в караване послал.
Напали разбойники на караван
И брат Хостоврул в бою умер от ран.

И, чтоб не достаться врагам, Алтынчеч
Сражалась, пока не пронзил её меч.
Слагают легенды, чтоб дух укрепить,
О той амазонке в поволжской степи.